

Типичные ошибки в речи детей-дошкольников в условиях русско-киргизского билингвизма

Елена Владимировна Галкина¹
Софья Викторовна Краснощекова²

¹Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН
Санкт-Петербург, Россия

²Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

¹dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

²ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Аннотация

Вопрос о том, какие механизмы задействуются в освоении русского языка, широко изучается на материале речи билингвов. Большинство исследований такого рода основываются на данных двуязычных детей, для которых русский является родным, но не доминантным языком. Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что мы рассматриваем противоположную ситуацию, когда русский является одним из двух официальных языков страны и доминантным для ребенка. Целью работы являлось выяснить особенности речи детей-дошкольников, постоянно проживающих в Киргизии (г. Бишкек), определить ошибки, наиболее характерные для речи детей-билингвов, говорящих на русском и киргизском языках, а также дать их классификацию и провести сравнение с ошибками, характерными для речевой продукции других групп носителей русского языка. Материалом послужили устные нарративы (рассказы по картинкам), собранные при помощи инструмента MAIN. Нарративы были записаны на диктофон, расшифрованы и проанализированы. Общее число проанализированных высказываний составляет около 1 500. Использовались методы функционального анализа языковых данных. Были получены следующие результаты. Анализ материала показывает, что наши информанты использовали те же речевые стратегии, что и дети-билингвы, для которых русский не являлся предпочитаемым языком: так, неразличение рода связано со стратегией переноса из второго родного языка, использование начальных форм и «замороженных» форм или сочетаний – со стратегией симплификации. Наряду с этим были зафиксированы многочисленные инновации, характерные для русскоязычных детей более раннего возраста, а также ошибки, отмечаемые при атипичном речевом развитии. В наименьшей степени наблюдалось сходство с нарративами изучающих русский взрослых. Сходный характер ошибок (несмотря на различное количество и качество получаемого на русском языке инпута) свидетельствует о стремлении детей к упрощению языковых явлений, что, вероятно, является оптимальной когнитивной стратегией в ситуации параллельного усвоения нескольких языков.

Ключевые слова

билингвизм, речевые ошибки, освоение языка, детская речь, детские инновации, русский язык, киргизский язык.

Для цитирования

Галкина Е. В., Краснощекова С. В. Типичные ошибки в речи детей-дошкольников в условиях русско-киргизского билингвизма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 2. С. 93–103. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103

Typical Errors in Russian-Language Speech of Preschool Children in the Situation of Russian-Kyrgyz Bilingualism

Elena V. Galkina¹, Sofia V. Krasnoshchekova²

¹Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation

¹dinomama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5041-2498>

²ndhito@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8830-5121>

Abstract

What mechanisms are involved in the acquisition of the Russian language by bilingual children? This question is widely studied on the speech of bilinguals. Most of the research is based on the data of bilingual children's speech acquiring Russian as a native language, however not the dominant one. In this study, we consider a situation in which Russian is one of the two official languages of the country and the most relevant (dominant) one for the child.

The aim of the paper is to analyze speech features of preschool children permanently residing in Kyrgyzstan (Bishkek), to identify speech errors most typical of Russian-Kyrgyz bilingual children, to classify and compare them with those, characteristic of other groups of Russian learners.

The material includes children's oral picture-based narratives collected using the MAIN instrument. The narratives were audio recorded, then transcribed and analyzed. The main method of analysis was functional analysis of speech and language data.

The analysis of the material shows that our informants used the same speech strategies as bilingual children acquiring Russian as a non-dominant language. The types of errors arising from the use of bilingual strategies are: non-distinguishing grammar gender due to the interference of the second language, use of original forms instead of oblique ones as well as a tendency to use "frozen" forms and constructions, both due to the strategy of simplification. Along with this, we have noted numerous innovations that are characteristic of Russian-speaking monolingual children of earlier age, as well as errors usual in children with atypical speech development. The errors were of similar nature, while the Russian input had different quantity and quality. This indicates the desire of both bilingual and monolingual children to simplify linguistic phenomena, which is probably an optimal cognitive strategy in the situation of parallel learning several languages.

Keywords

bilingualism, language acquisition, child's speech, speech errors, children's innovations, Russian language, Kyrgyz language

For citation

Galkina E. V., Krasnoshchekova S. V. Typical Errors in Russian-Language Speech of Preschool Children in the Situation of Russian-Kyrgyz Bilingualism. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 93–103. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103

Введение

Вопрос о том, какие механизмы задействуются в освоении русского языка двуязычными детьми, широко изучается на материале речи билингвов, для которых русский является родным, но не доминантным языком [Polinsky, Kagan, 2007; Менг, Протасова, 2011; Kupisch, Rothman, 2016]. В предыдущих исследованиях [Рингблом и др., 2018; Галкина, Краснощекова, 2022] мы описывали освоение русских предложно-падежных конструкций именно в такой ситуации двуязычия – при контакте русского как языка семьи с доминантным нидерландским, шведским и греческим языками. В данном исследовании мы рассматриваем ситуацию, когда русский является одним из двух официальных языков страны и наиболее актуальным для ребенка.

Настоящая работа посвящена речи детей-билингвов, говорящих на русском и киргизском языках¹: предполагается дать исчисление наиболее типичных ошибок в русском и сравнить их с описанными ранее ошибками других групп носителей, осваивающих русский язык: детей-монолингвов, детей-билингвов, проживающих в нерусскоязычной среде; взрослых инофонов, осваивающий русский как иностранный.

Существует несколько подходов к классификации речевых ошибок, базирующихся на разных основаниях. В первом приближении все классификации можно свести к двум основным вариантам: по формально-структурным признакам и по источнику / причине ошибки. Классификации первого типа делят ошибки, например, по уровням языка: на фонетические и фонологические, грамматические (морфологические и синтаксические), семантические и пр.; внутри уровня – по частям речи, конкретным грамматическим категориям (ошибки в падеже, глагольном времени), типу нарушения в рамках категории (замена одного падежа на другой и т. д.).

Классификации второго типа объединяют разнородные, разноуровневые ошибки в группы по их происхождению. Так, причинами ошибок, возникающих у детей-монолингвов, называются в том числе сверхгенерализация, унификация / выравнивание парадигмы, заполнение грамматических лакун, смешение между парадигмами (например, присвоение окончаний одного склонения словам другого склонения) [Цейтлин, 2015; Рингблом и др., 2018].

В настоящее время ошибки детей-билингвов изучаются очень активно, причем в новейших работах по данной тематике нередко внимание обращается только на один из типов: ошибки интерференции [Каменецкая, 2021], ошибки переключения кодов [Kuzyk et al., 2020], морфологические ошибки [Сергеева, 2021] и т. п.

Для целей данной работы актуальны оба типа классификаций, и обычно принято использовать их сочетание, т. е. объединять ошибки в группы по нескольким параметрам: так, ошибки смешения падежей относятся к морфологическим (внутри конкретной части речи и конкретной грамматической категории) и связаны со стратегией симплификации; ошибки неразличения рода являются также морфологическими и при этом обычно обусловлены интерференцией второго языка, в котором отсутствует категория рода [Крутикова, 2021].

1. Материал и методы

В исследовании принимали участие 15 информантов 4,5–6 лет. Все дети родились и выросли в Киргизии, г. Бишкек, оба родителя – киргизы, свободно говорящие на русском и киргизском языках. На момент тестирования дети посещали русскоязычный детский сад.

Материалом послужили рассказы ($n = 25$), собранные при помощи инструмента для сбора нарративов Litmus MAIN «Мультиязычный инструмент анализа нарративов» [Gagarina et al., 2015]. Инструмент включает четыре набора картинок Dog story, Cat story, Baby goats, Baby birds, по которым испытуемым предлагалось рассказать историю. Речь записывалась на диктофон, аудиозаписи транскрибировались и анализировались. После рассказа задавались вопросы на понимание. Кроме того, анализировались высказывания информантов, полученные в ходе предварительного тестирования (тест «модель психического» по методике Е. Сергиенко [Сергиенко и др., 2009] и тест Равена (детский вариант)). Каждый ребенок тестировался индивиду-

¹Говоря о современной языковой ситуации в Киргизии, следует заметить, что и русский, и киргизский языки официально закреплены в статусе государственных языков. В стране в последние годы проводится политика поддержки, распространения и повышения престижности киргизского языка, однако до сих пор для детей киргизской национальности, живущих в столице, русский язык является доминантным, а киргизский – дополнительным. Русский – язык межнационального общения, СМИ, Интернета [Дербишева, 2022]. По этой причине тип билингвизма можно определить одновременно как естественный (один язык – язык страны проживания; второй – язык семьи) и смешанный (два языка в равноправных условиях). По функциональным характеристикам билингвизм ближе к смешанному.

ально. В сумме получено ~ 1500 высказываний. В данном исследовании описывается только речевой материал, результаты когнитивных тестов подробно не рассматриваются.

2. Результаты

Рассмотрим ниже наиболее типичные группы ошибок в речи наших информантов и сравним их с ошибками в речи других носителей русского языка.

А. Ошибки, в первую очередь характерные для детей-билингвов и взрослых инофонов, осваивающих русский язык как второй. Это ошибки промежуточной языковой системы, связанные как с механизмами освоения дополнительного языка в целом, так и с интерференцией первого языка, а также с недостаточным развитием лексикона и грамматической системы.

А.1. Ошибки, связанные с интерференцией второго языка. В нашем материале к этой группе относятся следующие типы.

А.1.1. Неразличение рода, т. е. отсутствие согласования по роду между существительным и прилагательным (1), подлежащим и сказуемым (глаголом в прошедшем времени (2) или прилагательным в позиции предиката (3)), полнозначным существительным и кореферентным личным местоимением (4).

(1) *Один [одна] овечка был [была] в море. Второй [вторая] овечка кушал [кушала] травку. А третий [третья] овечка испугался [испугалась].*

(2) *А потом заглянул [заглянула] птичка (5,6); Игорь испуганный, потому что за ней [ним] собака гоняется, наверное, на лапку наступила [наступил] или на хвост.*

(3) *Она грустный [грустная].*

(4) *А потом лиса убежала, а ворона за ним [ней] – род присваивается непоследовательно: подлежащее лиса согласуется со сказуемым в ж. р., но с кореферентным местоимением – в м. р.; Потом мальчик увидел собаку, а потом она [он] сказала [сказал]: «Собака, ты куда бежишь?» – нетипичный случай: ж. р. вместо м. р.*

Ошибки такого типа неоднократно отмечались в речи носителей тюркских языков, к которым принадлежит и киргизский [Юсупова, 2023]. Так как в первом языке отсутствует категория рода, при порождении высказываний на втором языке род присваивается словам хаотично. С другой стороны, в основном формы ж. р. заменяются на формы м. р., что позволяет увидеть здесь влияние и стратегии симплификации, при которой начальная форма используется на месте косвенных. Интересно, что, по наблюдениям в [Карпова, Рингблом, 2018], русско-греческие билингвы, наоборот, предпочитают формы ж. р. другим.

А.1.2. Неверное глагольное управление: управляемая глаголом падежная или предложно-падежная конструкция переносится из первого языка на основании семантической смежности (например: *покупать из магазина* у носителей финского) (5).

(5) *Аня радуется от медведя* – в кирг. яз. глагол «радоваться» управляет локативным падежом со значением цели движения (радоваться «куда») – в русское высказывание переносится семантика локативности («откуда»), но не направление; *Потому что собака [собаке] понравилась мышку [мышка]* – интерференция конструкции «кто любит кого» в русском или соответствующей в киргизском.

А.2. Ошибки, связанные со стратегией симплификации. Эти ошибки обусловлены тем, что говорящий стремится экономить речевые усилия, использовать более простые языковые варианты, не требующие дополнительных когнитивных затрат. В нашем материале отмечают следующие типы.

А.2.1. Использование начальных форм слов: Им. п. имен (6), в том числе в сочетаниях с согласовательной связью, где не изменяется только зависимый член – существительное стоит

в верной косвенной форме, прилагательное – в начальной (7); м. р. прилагательных и глаголов (см. выше); а также ед. ч. вместо мн. ч. в разных падежах (8).

(6) *Потому что хочет эта [эту] вкуснятина [вкуснятину] и очень вкусное; На кого она смотрит, тот [тому] она хочет подарить.*

(7) *Волк сказал взять один [одного] козлика; У лисы слюнки потекли от двое [двоих] малышей.*

(8) *Потому что девочки любят книжку [книжки].*

Такой тип ошибок характерен и для инофонов, изучающих язык «в аудитории» – в ситуации, когда лексема предъявляется и заучивается в словарной форме, и при освоении в естественной среде – в случаях, когда начальная форма является наиболее частотной / базовой. Так, выбор И. п. вместо В. п. в ед. ч. был одной из самых частых типов ошибок у двуязычных детей из Швеции и с Кипра [Карпова, Рингблом, 2018], замороженный И. п. отмечался у русско-английских билингвов [Еливанова, Семушина, 2002. С. 129].

А.2.2. Использование замороженных форм, т. е. самых частотных в инпуте, которые, вероятно, были освоены раньше всего: конкретной косвенной формы у имен (9); сюда же можно отнести неверное управление предлогов в тех случаях, когда в русском языке предлог способен управлять разными падежами, а в речи билингва употребляется только одна падежная конструкция для передачи любых значений предлога (рус.: *за* + В. п. и Т. п.; *на* + В. п. и П. п. и др.) (10); пропуск предлога (11) – ср. с особенностями речи одноязычных русских детей младшего возраста.

(9) *У нас был [были] в магазине зонтиков [зонтики]; Он ходил за денег [деньгами] – частотная форма Р. п. мн. ч., ср. нет денег, много денег.*

(10) *Птица мама пошла за еду [едой] ее птички [птичкам] – распространяется конструкция «за + В. п.».*

(11) *Она просто так 0 [за] кошкой загналась; Мячик улетел 0 [в] озеро; А мама птенцов улетела 0 [в] далекие края, 0 [в] далекие теплые края.*

А.2.3. «Стратегия любой граммемы», при которой косвенная форма выбирается из всего доступного арсенала хаотично, почти не отмечается в материале. Стратегия характерна в основном для взрослых инофонов, осваивающих русский как второй, а также для русскоязычных дошкольников с диагнозом SLI (specific language impairment, специфическое расстройство речи). Большинство ошибок в речи русско-киргизских билингвов, которые напоминают следствие применения стратегии любой граммемы, объясняются в основном либо стратегией симплификации, либо интерференцией первого языка. Стратегия любой граммемы, возможно, проявляется в замене ед. ч. на мн. ч., не обусловленной семантически (12). Кроме того, несмотря на то что большинство ошибок в местоимениях 3-го лица связаны со смешиванием м. р. и ж. р., зафиксированы примеры, которые создают впечатление, что ребенок руководствуется именно стратегией любой граммемы при выборе формы местоимения: так, форма Им. п. заменяется на косвенную при том, что верная форма присутствует в ближайшем контексте, путается ед. ч. и мн. ч., как у личных, так и у притяжательных (13).

(12) *Он злой, потому что он не любят [не любит] человек – немотивированная форма мн. ч. сказуемого при ед. ч. подлежащего.*

(13) *А когда их [они] злой [злые] придут, они (козлята) будут плохо чувствовать – подлежащее их вместо они, ср. здесь же: они; А мама им.. ему [им] червяки принесла – ему вместо им: возможно, замена по созвучию; А мама им (детям)... ему червяки [червяков] принесла – смешивание им / ему: ребенок сомневается в выборе; Собаку, потому что она спасла их [ее] цыплёнок жизнь – возможно, имеется в виду не притяжательное их / ее, а личное местоимение темы: их, цыплёнок.*

Б. Ошибки, в равной степени характерные как для билингвов, так и для монолингвов. Ошибки такого рода впервые были описаны на материале речи маленьких детей-монолингвов, однако частотны и в речи детей-билингвов. Это типичные ошибки развивающейся,

не до конца сформированной языковой системы, не зависящие от того, которым по счету осваивается язык и является ли он единственным у носителя. Ошибки связаны с базовыми процессами в ментальном лексиконе и внутренней грамматической системе.

Б.1. Ошибки, связанные со стратегией сверхгенерализации. Стратегия распространяется как на грамматическую, так и на лексико-семантическую сферу языка. Ошибки сверхгенерализации у наших информантов совпадают с типичными ошибками русскоязычных детей: не различается одушевленность / неодушевленность, т. е. все существительные склоняются по одному типу – или как неодушевленные, или как одушевленные (14); не различаются элементы внутри одной семантической группы, т. е. смешиваются слова, у которых частично совпадает значение – указательные и притяжательные местоимения (15), неполные синонимы (16), локативные предлоги (17). Нужно заметить, что в некоторых случаях смешиваются и семантически далекие предлоги, что роднит этот тип ошибок с ошибками, обусловленными стратегией любой граммеы (18).

(14) *А мама им... ему червяки* [червяков] *принесла* – у русскоязычных детей одушевленность осваивается позже, чем падежная парадигма, иногда не раньше возраста 4–5 [Галкина, Уржумова, 2016]; *Я вижу мячика* [мячик] – здесь, наоборот, на всю систему существительных распространяется одушевленный тип склонения.

(15) *Потому что он такой* [этот] *мальчик любит цветов – такой / этот* принадлежат к указательным местоимениям и обладают общим дейктическим значением.

(16) *Потому что она удалила* [прогнала] *кошку; Потому что она прогнала эту дырявую* [ободранную] *злую кошку; Мальчик вылезал* [выходил] *из магазина* – механизм подобных ошибок можно объяснить тем, что наиболее точное слово или отсутствует в лексиконе, или не сразу извлекается из памяти, и ребенок подбирает наиболее близкий семантически синоним.

(17) *В это время кошка следила из-за дерева, с дере... а, за деревом* – ребенок сомневается в выборе предлога одной семантической группы: *из-за / за / с*; *А потом мальчик над деревом* [под деревом] *удивился* – смешивается *под / над*: подобное смешение «по направлению / по вектору» характерно, например, для темпоральных лексем у русскоязычных детей: *вчера / завтра*.

(18) *Потом собака ударила за* [об] *дерево; Здесь собака гонится на* [за] *кошкой* – в обоих примерах предлог хаотично выбирается из всего набора доступных единиц.

К этой же группе относятся ошибки, связанные с выравниванием парадигмы: выстраивая словоизменительную парадигму, ребенок стремится избавиться от вариативности, устраняет чередования, в том числе акцентные, образует все формы от одной основы (19). Эта особенность ярко проявляет себя в речи детей-монолингвов, однако присутствует и у билингвов, и у изучающих второй язык: это нормальный этап развития индивидуальной языковой системы. Ближе к этому виду подходят и ошибки, обусловленные сверхгенерализацией одного грамматического правила: так, окончание одного типа склонения распространяется на все существительные языка, одного спряжения – на все глаголы (20).

(19) *Катя, наверное, сердится* [сёрдится]; *Ей подарят* [подарят] *картинку с кошкой; Она начала* [началá] *оглядываться* – выравнивается акцентная парадигма; *Обрадуется, ну, потому что, она защищала* [защитила] *птенчиков* – устраняется чередование *т / щ*; *Она обрадуется* [обрадуется] – устраняется чередование *ова / у*; *Она сейчас козлёнков* [козлят] *съест; И потом эта увидела козлят* [козлят] *маму; А лиса она увидела трех козличков* [козлят] – устраняется чередование основ; *Наверно онИх* [их] *уже всех забрали* – устраняется супплетивизм основ местоимения.

(20) *Потому что они сильно гавкают и сильно злются* [злятся] – генерализовано окончание 1-го спряжения; *Потом ворона следила за детьми* [за детьми].

Б.2. Ошибки, связанные с устройством ментального лексикона. Ошибки такого типа напоминают оговорки у взрослых на родном языке, но объединяют более далекие друг от друга слова. К этой группе относятся замены сходных по звучанию слов: как семантически близких,

например, союзов типа *что / чтобы, потому / потому что / поэтому / (потом)* (21) – такое смешение характерно для одноязычных детей в возрасте 2–3 лет; так и семантически разнородных, но имеющих общий просодический / фонетический рисунок (22) – в то время как у одноязычных детей и взрослых подобное явление встречается при порождении низкочастотных слов, у наших информантов оно распространяется и на частотную бытовую лексику.

(21) *Пато* [потому что] *она хотел покататься, а качеля сломалась; Потому* [потому что] *он приехал в цирк; А почему что* [потому что] *кошка расцарапает мальчика, она ж не домовая; И потом она их погладила, что* [потому что] *их не съела лиса; Потом он удивился, чтоб* [что] *собака не пролезает в этот угол* – ср. у одноязычных детей: *это что-то* [чтобы] *красками рисовать*.

(22) *Потом шел мальчик с уткой* [с удочкой]; забытое слово *удочка* заменяется на смежное по звучанию, но не связанное по значению *утка*; *Но вдруг мышка поскользнулась* [ускользнула].

Б.3. Стратегия компенсации: забытое / неизвестное полнозначное слово заменяется на местоимение (*он, этот, такой*) (23), указательный / описательный жест, звукоподражательное междометие (24). Случаи такого типа нельзя в полной мере считать ошибками; они крайне характерны и для разговорной речи взрослых – однако являются признаком именно недостаточного развития индивидуальной языковой системы, в которой еще существуют незаполненные лакуны.

(23) *И прыгнула эта и поцарапала большую птичку*.

(24) *Потом птица АМ и захватила за нос... покушала; Она стукнулась и у него вот так: «Беее!»*.

В. Ошибки, характерные в первую очередь для детей-монолингвов. К этому типу относятся особенности речи, которые в основном отмечаются у одноязычных детей и не связаны с билингвальной обстановкой. В эту категорию попадают как особенности, которые нельзя назвать ошибками в прямом смысле слова (окказиональное словообразование), так и ошибки, не обусловленные собственно процессом освоения языка (ошибки, идущие из инпута).

В.1. Окказиональное словообразование: ребенок создает собственные слова, используя имеющиеся языковые модели (25).

(25) (Как чувствует себя собака?) *В обидности* [ей обидно], *потому что она не хочет, чтоб их кошечка съела; В больнэ! Кошка чувствует, что ей больно!*

В.2. Ошибки, идущие из инпута. Ошибки этого типа обусловлены тем, что дети-информанты получают инпут, система которого отличается от системы нормативного / стандартного (литературного) русского языка (26): так, используется разговорная и просторечная лексика и грамматические формы, нарушается лексическая сочетаемость слов.

(26) *Мальчик шел с магазина* [из магазина]; *Бабочка сидела на кусту* [на кусте]; *Собака хотела поиграть* [поиграть].

3. Обсуждение

Ранее было показано [Рингблом и др., 2018], что основной причиной ошибок в речи билингвов выступают процессы: (а) интерференции второго языка (трансфер) и переключения кодов, (б) симплификации – тенденции упрощать языковые единицы, (в) генерализации, одно правило распространяется на все языковые явления.

Для того чтобы понять, являются ли данные механизмы «универсальными», или основная стратегия будет определяться количеством и качеством получаемого инпута, мы рассматриваем ситуацию смешанного билингвизма (см. выше), когда русский является официальным языком страны и актуальным в повседневном общении.

Родители наших информантов данного исследования заинтересованы в развитии русского у детей, поскольку на этом языке происходит обучение в школе, вузах, а также деловая и, зачастую, повседневная коммуникация. Общение с детьми в семье в основном происходит на русском. Находясь улице, в транспорте или в магазине, дети регулярно слышат русскую речь наравне с киргизской. Киргизский язык дети понимают, но используют реже, например, если общаются с бабушкой или няней.

Для сравнения мы использовали речь русскоязычных сверстников с типичным и атипичным речевым развитием, детей-билингвов, проживающих в Швеции, Нидерландах и на Кипре (русский не является основным языком), а также взрослых, изучающих русский язык как иностранный [Рингблом и др., 2018; Галкина, Краснощекова, 2022].

Анализ материала показывает, что, невзирая на вариативность, основной причиной ошибок, независимо от доминантного языка страны проживания, выступает влияние двух стратегий: (а) симплификации, т. е. упрощения языковых явлений, и (б) стратегии любой грамматики. Стратегия симплификации более характерна для двуязычных детей, чем для взрослых студентов, изучающих русский. Пример подобной стратегии – использование неизменяемой, «замороженной», изначально заученной формы существительных, прилагательных, глаголов, местоимений, ср.: «*кошка хотела брать маленький птичка*» [маленькую птичку] (Кипр, 5,0); «*мама принесла им червь*» (Швеция, 5,9); «*и он хотел птички* [птичек] *достать*» (Нидерланды, 6,5); «*лису* [лиса] *хотел* [хотела] *взять это и напугал* [напугала] *ворона* [ворону], *и лису* [лиса] *убежал*» (Нидерланды 7,2); «*каждым утром кошка идет видеть бабочка* [бабочку] (21 г., родной язык китайский). В речи киргизских информантов это в первую очередь использование Им. п. имен, реже – замороженных форм существительных. Стратегия использования «любой грамматики» наиболее характерна для речи иностранных студентов: говорящий оперирует формами хаотично и в каждом контексте использует ту, которая первой всплывает в памяти, причем форма может оказаться как правильной, так и неправильной грамматически, например, хаотично приписывается род и число: «*Утром, собака лежала на земле. Ему только один год. Она видел мышь*» (21 г., родной язык китайский). «*Кошка видели веселый* [веселого] *мальчики* [мальчика], *который он был с рыбы* [с рыбой] (21 г., родной язык арабский). У киргизских информантов подобная стратегия отмечается только при использовании форм местоимений 3-го лица и выборе предлогов.

Отмечались также ошибки, аналогичные характерным ошибкам русскоязычных информантов с диагнозом SLI – употребление форм (предлогов, падежей, личных местоимений и т. п.), абсолютно не соответствующих контексту («*Я полететь Москве* [в Москву]» (6,3), «*После больницы уеду на бабушке* [к бабушке]». «*Корова стоит на дереве* [под деревом]». «*Вместе с дома* [с домом] (6,1)», вследствие неспособности сконструировать или извлечь из памяти подходящее слово [Корнев, 2011. С. 52].

Кроме того, в речи русско-киргизских билингвов отмечались многочисленные случаи окказионального конструирования словоформ, аналогичного русскоязычным сверстникам при типичном речевом развитии.² Вследствие этого возникают инновации, подробно описанные в работах С. Н. Цейтлин [Цейтлин, 2009].

Заключение

Таким образом, информанты данного исследования – русско-киргизские билингвы, для которых русский является доминантным языком среды, – использовали те же речевые стратегии, что и дети-билингвы, для которых русский не являлся предпочитаемым языком.

²Формирование словоизменительных парадигм у русскоязычных детей обычно не вызывает трудностей, и к трехлетнему возрасту ребенок может достаточно свободно конструировать словоформы на основе извлеченных из инпута и переработанных правил [Цейтлин, 2009. С. 40].

Наряду с этим были отмечены многочисленные инновации, характерные для русскоязычных детей более раннего возраста, а также ошибки, отмечаемые при атипичном речевом развитии. В наименьшей степени наблюдалось сходство с нарративами изучающих русский взрослых.

Сходный характер ошибок (несмотря на различное количество и качество получаемого на русском языке инпута) свидетельствует о стремлении детей к упрощению языковых явлений, что, вероятно, является оптимальной когнитивной стратегией в ситуации параллельного усвоения нескольких языков.

Информация о конфликте интересов: потенциальные или явные конфликты интересов отсутствуют.

Участие авторов: Галкина Е. В. – сбор и обработка данных, написание текста работы; Краснощекова С. В. – обработка и анализ данных, написание текста работы.

Список литературы

- Галкина Е. В., Краснощекова С. В. Освоение русских предложно-падежных конструкций детьми-херитажниками и детьми-билингвами // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: сборник научных статей. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2022. С. 256–262.
- Галкина Е. В., Уржумова Н. Н. Освоение маркирования одушевленности-неодушевленности русскоязычными детьми дошкольного возраста // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2016: Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: BVM, 2016. С. 408–413.
- Дербишева З. К. Особенности билингвизма в Кыргызстане // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 13 (1). С. 144–155.
- Еливанова М. А., Семушина В. А. Особенности грамматических конструкций в русской речи русско-английских детей-билингвов // Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы): Мат-лы ежегод. Междунар. науч. конф. СПб.: BVM, 2022. С. 126–132.
- Каменецкая В. А. Способы преодоления интерференционных ошибок у детей-билингвов в процессе обучения в онлайн-среде // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Сб. науч. ст. участников XIX Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 503–506.
- Карпова С. В., Рингблом Н. Особенности нарративов двуязычных детей в Швеции и на Кипре // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 141–153.
- Корнев А. Н. О функциональной системе языка и речи в онтогенезе: языковые и процедурные аспекты // Онтолингвистика – наука XXI века. Мат-лы Междунар. конф. СПб.: Златоуст, 2011. С. 51–56.
- Крутикова А. Ю. Интерференционные морфологические ошибки в речи русско-таджикских билингвов // Наука и образование сегодня. 2021. № 4 (63). С. 64–68.
- Менг К., Протасова Е. Интеракционная грамматика раннего билингвизма // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 221–234.
- Рингблом Н., Краснощекова С. В., Галкина Е. В. Предложно-падежные конструкции в речи русско-голландских и русско-шведских двуязычных детей в сравнении со студентами, изучающими русский язык как иностранный // Проблемы онтолингвистики – 2018. Мат-лы ежегод. Междунар. науч. конф. Иваново: ЛИСТОС, 2018. С. 149–155.
- Сергеева Е. А. Эритажный русский язык: корпусный анализ морфологических ошибок в письменной речи билингвов: Магистерская диссертация. Екатеринбург: УрФУ, 2021. 90 с.

- Сергиенко Е. И., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.** Модель психического в онтогенезе человека. М.: ИП РАН, 2009. 414 с.
- Цейтлин С. Н.** Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
- Цейтлин С. Н.** К построению грамматики промежуточного языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2015. Т. IX. № 1. С. 515–538.
- Юсупова Р. К.** Трудности в изучении рода имен существительных русского языка в узбекском языке // *ReFocus*. 2023. № 2 (3). С. 86–90.
- Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J.** Assessment of narrative abilities in bilingual children // *Assessing multilingual children: Disentangling bilingualism from language impairment*. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2015. P. 243–276.
- Kupisch T., Rothman J.** Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers // *International Journal of Bilingualism*. 2016. № 22 (5). P. 1–19.
- Kuzyk O., Friend M., Severdija V., Zesiger P., Poulin-Dubois D.** Are there cognitive benefits of code-switching in bilingual children? A longitudinal study // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. № 23 (3). P. 542–553.
- Polinsky M., Kagan O.** Heritage languages: In the “wild” and in the classroom // *Language and Linguistics Compass*. 2007. № 1 (5). P. 368–395.

References

- Ceitlin, S. N.** (2009). Essays on the word building and form construction. Moscow, Znak. (in Russ.).
- Ceitlin, S. N.** (2015). On the formation of interlanguage grammar. *Acta Linguistica Petropolitana*, IX(1), 515–538. (in Russ.).
- Derbisheva, Z. K.** (2022). Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 144–155. (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155>
- Elivanova, M. A. & Semushina, V. A.** (2022). Special features of grammatical constructions in Russian speech of Russian-English bilingual children. In: *Problems of ontolinguistics – 2022: The speech world of a child (universal processes and individual manifestations) Studies*. Saint Petersburg: VVM, 126–132. (in Russ.).
- Gagarina, N., Klop, D., Kunnari, S., Tantele, K., Välimaa, T., Balčiūnienė, I., Bohnacker, U. & Walters, J.** (2015). Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children. In: *Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment*, 243–276. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters. DOI: <https://doi.org/10.21832/9781783093137-011>
- Galkina, E. V. & Krasnoshchekova, S. V.** (2022). Acquisition of Russian case and preposition constructions by bilingual and heritage language children. In: *Russian grammar in the dialogue of science schools, directions, methods Studies*. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 256–262. (in Russ.). <https://doi.org/10.24866/7444-5403-6>
- Galkina, E. V. & Urzhumova, N. N.** (2016) Acquisition of marking of animatedness-inanimatedness in Russian-speaking children of preschool age. In: *Language and literature education in contemporary society Studies*. Saint Petersburg: VVM, 408–413. (in Russ.).
- Kamenetskaya, V. A.** (2021). Ways of overcoming interference errors in bilingual children in the process of education in online environment. In: *Language, culture, mentality. Problems of education in foreign audience Studies*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., 503–506. (in Russ.).

- Karpova, S. & Ringblom, N.** (2018). Narratives of bilingual children in Sweden and Cyprus. In: *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 189, 141–153. (in Russ.)
- Kornev, A. N.** (2011) On the functional system of language and speech in ontogeny: Language and procedural aspects. In: *Ontolinguistics as a science of the XXI century Studies*. Saint Petersburg: Zlatoust, 51–56. (in Russ.)
- Krutikova, A. Yu.** (2021). Interference morphological errors in the speech of Russian-Tajik bilinguals. *Science and education today*, 4(63), 64–68. (in Russ.)
- Kupisch, T. & Rothman, J.** (2016). Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers. *International Journal of Bilingualism*, 22(5), 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367006916654355>
- Kuzyk, O., Friend, M., Severdija, V., Zesiger, P. & Poulin-Dubois, D.** (2020) Are there cognitive benefits of code-switching in bilingual children? A longitudinal study. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23(3), 542–553. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1366728918001207>
- Meng, K. & Protassova, E.** (2011). Interactional grammar of early bilingualism. In: *The way to language: Monolingualism and bilingualism*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 221–234. (in Russ.)
- Polinsky, M. & Kagan, O.** (2007). Heritage languages: In the “wild” and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, 1(5), 368–395. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x>
- Ringblom, N., Krasnoshchekova, S. V. & Galkina, E. V.** (2018). Preposition-case constructions in the speech of Russian-Dutch and Russian-Swedish bilingual children in comparison with students learning Russian as a second language. In: *Problems of ontolinguistics – 2018 Studies*. Ivanovo: LISTOS, 149–155. (in Russ.)
- Sergeeva, E. A.** (2021). Heritage Russian language: Corpus analysis of morphological errors in written speech of bilinguals. Master's thesis. Ekaterinburg: Ural Federal University Publ. (in Russ.)
- Sergienko, E. I., Lebedeva, E. I. & Prusakova, O. A.** (2009). *Theory of mind in the person's ontogeny*. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ. (in Russ.)
- Yusupova, R. K.** (2023). Difficulties in studying the gender of Russian nouns in the Uzbek language. *Research Focus*, 2(3), 86–90. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7821744>

Информация об авторах

Галкина Елена Владимировна, научный сотрудник отдела физиологии сенсорных систем, лаборатории психофизиологии речи Института физиологии им. И. П. Павлова РАН

Краснощекова Софья Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН

Information about the Authors

Elena V. Galkina, Researcher in the Department of physiology of sensor systems, Laboratory of psychophysiology of speech, Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Sofia V. Krasnoshchekova, Candidate of Philology, Researcher in the Department of theory of grammar, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 19.12.2023;

одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 29.03.2024

The article was submitted 19.12.2023;

approved after reviewing 17.03.2024; accepted for publication 29.03.2024